

На правах рукописи

Акматов Кунболот Токтосунович

**ВООРУЖЕНИЕ И КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ
КОЧЕВНИКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ В МОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ**

Специальность 07.00.06 – «Археология»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Новосибирск 2017

Работа выполнена на кафедре археологии и этнографии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет».

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Худяков Юлий Сергеевич

Официальные оппоненты:

Харинский Артур Викторович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»;

Горбунов Вадим Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный университет».

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Бурятский государственный университет».

Защита состоится 5 июня 2017 г. в 15.30 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) по адресу: 630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, конф.-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИАЭТ СО РАН и официальном сайте Института www.archaeology.nsc.ru

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук

С. В. Маркин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Предметы вооружения и конского снаряжения являются одними из самых часто встречаемых находок в погребениях древних и средневековых кочевников степной зоны Евразии. Без их рассмотрения не обходится практически ни одна работа, посвященная древностям кочевых скотоводов. В результате, вопросы, связанные с изучением предметов вооружения и конского снаряжения являются в настоящее время одной из наиболее разработанных тем в археологии.

Однако не все регионы и периоды в этом плане изучены равномерно. Кроме того целый ряд вопросов, касающихся происхождения, развития и функциональной характеристики некоторых из рассматриваемой категории предметов и их деталей все еще ждут своего решения. Поэтому полная публикация новых и малоизвестных находок и проведение целенаправленных исследований в данном направлении являются актуальной задачей в изучении культур древних и средневековых кочевников. Без рассмотрения вооружения и конского снаряжения кочевых скотоводов трудно составить представление об их культуре в целом.

Предметы вооружения и конского снаряжения из памятников древних и средневековых кочевников Тянь-Шаня изучены неравномерно. В научных публикациях наиболее полно представлены результаты исследований вооружения и конского снаряжения древнетюркских племен [Табалдиев, 1996. С. 35–50; Худяков, Табалдиев, 1999. С. 50–58; Борисенко и др., 2006. С. 70–86; Худяков, Табалдиев, 2009. С. 88–95, 107–122]. Ряд статей посвящены характеристике вооружения кенкольских и других кочевых скотоводов хунно-сяньбийского времени [Кожомбердиев, Худяков, 1987. С. 75–106; Худяков и др., 2013в. С. 81–86; Худяков и др., 2014а. С. 305–307]. Военному делу сакских племен Тянь-Шаня и Семиречья посвящено диссертационное исследование [Иванов, 2012]. На этом фоне изученность вооружения и конского снаряжения кочевников монгольского времени региона заметно отстает. Между тем к настоящему времени накоплен достаточный материал, требующий систематизации и анализа. Большинство из них нашли от-

ражение в диссертационном исследовании К. Ш. Табалдиева [1994], посвященном эволюции погребального обряда средневековых кочевников Внутреннего Тянь-Шаня. Однако сведения о вооружении и конском снаряжении кочевников монгольского времени региона в этой работе, не будучи главной темой исследования, по необходимости кратки. В результате последующих раскопок могильников монгольского времени в Иссык-Кульской котловине, Нарынской долине и изучения музейных коллекций и случайных находок за последние годы фонд источников по интересующей нас теме значительно пополнился. Все это позволяет выбрать в качестве темы диссертационного исследования проблему изучения вооружения и конского снаряжения кочевников Тянь-Шаня в монгольское время.

Цель и задачи исследования. Главной целью диссертационного исследования является реконструкция комплекса вооружения и конского снаряжения кочевников Тянь-Шаня XIII–XIV вв. Для достижения поставленной цели следует решить следующие задачи:

1. Рассмотреть историю изучения археологических памятников кочевых племен Тянь-Шаня в монгольское время и охарактеризовать круг имеющихся источников;
2. Определить этнокультурную принадлежность погребений, откуда происходит основная часть материалов по теме исследования;
3. Систематизировать и провести комплексный анализ предметов вооружения и конского снаряжения из погребений и случайных сборов;
4. На основе имеющихся археологических данных с привлечением письменных и изобразительных источников охарактеризовать комплекс вооружения и реконструировать облик легковооруженного воина;
5. По сохранившимся материалам погребений с учетом данных изобразительных источников охарактеризовать и реконструировать четыре уздечных набора и снаряжения верхового коня.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является комплекс вооружения и конского снаряжения кочевых племен Тянь-Шаня в монгольское время.

В качестве предмета исследования выступают: археологические памятники (погребения, случайные находки); предметы вооружения и снаряжения воина (луки, наконечники стрел, налучи, колчаны, костяная и металлическая гарнитура наборных поясов, ножи, кинжалы, панцирные пластины, фрагменты кольчуги, сабля, навершия булав и топора); предметы снаряжения верхового коня (удила, узды, седла, стремена, подпружные пряжки) из погребений и случайных сборов; способ натягивания тетивы лука у кочевников Средней и Центральной Азии, в том числе Тянь-Шаня.

Хронологические рамки исследования охватывают XIII–XIV вв., период, известный в историко-археологической литературе под названием «монгольское время», когда огромная часть Евразийского материка, включая и современную территорию Кыргызстана, входила в состав Монгольской империи и последующих государств Чингизидов.

Точная датировка погребений и случайных находок монгольского времени на территории Кыргызстана осложнена ввиду отсутствия исследований, проведенных на основе комплексного изучения всех археологических источников. Однако современное состояние изученности памятников рассматриваемого периода на других территориях [Гаврилова, 1965. С. 44–49, 73–78; Федоров-Давыдов, 1966. С. 93–163; Малиновская, 1974. С. 132–175; Могильников, 1981в. С. 194–200; Иванов, Кригер, 1988; Гарустович, Иванов, 2014; Крамаровский, 2008. С. 9–16; Тишкин, 2009; Лхагвасурэн, 1994; Erdenebat, 2009; Харинский, 2015б; Дашибалов и др., 2011. С. 203–252], некогда входивших в состав империи Чингиз-хана и государств Чингизидов, позволяет датировать большинство рассматриваемых материалов началом XIII – серединой XIV вв., что и может составлять хронологические рамки нашей работы.

Территориальные рамки исследования. Основная часть источников нашего исследования происходит из памятников, расположенных в долинах и горных районах Центрального Тянь-Шаня, где в общей сложности было раскопано около 80 погребений в 14 могильниках монгольского времени. Привлекаются также материалы из Иссык-Кульской котловины (15 погребений в 1 могильнике), Чуйской (около 10 погребений в 2 могильниках) и

Таласской (по 1 погребению в 3 могильниках) долин Северного и Западного Тянь-Шаня.

Таким образом, основой для данного исследования являются материалы, происходящие из западной половины горной системы Тянь-Шаня, занимаемой в настоящее время Кыргызской Республикой.

Источниковой базой диссертационного исследования послужили вещественные находки предметов вооружения и конского снаряжения из погребений кочевников Тянь-Шаня монгольского времени и случайные находки, хранящиеся в фондах Государственного исторического музея Кыргызской Республики, музейно-исследовательских центров Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына и Кыргызско-Турецкого университета Манас, Иссык-Кульского государственного историко-культурного музея, Нарынского историко-этнографического музея и музея архитектурного комплекса Бурана.

В работе анализируются: 3 костяных накладки от трех луков и 2 деревянных кибити; 62 железных наконечника стрел; 1 налuch; 3 костяных обоймы от саадачного пояса; 1 берестяной колчан и набор орнаментированных роговых накладок от 1 колчана; 5 боевых ножей; 5 кинжалов; фрагменты от 1 кольчуги; 5 панцирных пластин от 1 доспеха; 1 сабля; 2 навершия булавы; 2 топора; металлическая гарнитура от 5 клинковых портупей; 10 удил; 4 уздечных набора; 9 седел; 9 подпружных пряжек; 35 стремян. Следует отметить, что из раскопанных более 100 погребений монгольского времени, предметы вооружения были обнаружены только в 27 могилах, а конское снаряжение – в 30.

По мере необходимости в работе привлекаются письменные (сочинения Ибн ал-Асира, Рашид ад-Дина, Плано Карпини, Рубрука, Марко Поло, Лубсан Данзана, Мухаммад Хайдара, Бабура, Шараф ад-Дина Йазди, «Сокровенное сказание») и изобразительные (иранские и среднеазиатские миниатюры XIV–XVII вв., глиняные статуэтки взнузданных и оседланных коней из юаньских памятников) источники, представляющие интерес для нашей темы.

Кроме того, при рассмотрении вопроса о способе натягивания тетивы лука у монголов и других кочевников Средней и Центральной Азии рассматриваемого времени использованы данные средневековых трактатов по лучной стрельбе, написанные мамлюкским и арабским авторами в XIV и XV–XVI вв. соответственно [Arab Archery, 1945; Saracen Archery, 1970].

Методология и методика исследования. Главным методологическим принципом настоящей работы является системный подход, подразумевающий «целостное рассмотрение определенной совокупности материальных объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь и взаимодействия приводит к возникновению новых интегративных свойств системы, которые отсутствуют у составляющих ее объектов» [Рузавин, 1999. С. 276]. В рамках данного подхода вещественные материалы, изучаемые в настоящей работе, рассматриваются как элементы, взаимосвязь и взаимодействие которых образуют определенную целостность и единство (т.е. систему). В нашем случае такими системами являются вооружение и конское снаряжение. В качестве механизма, с помощью которого осуществляется взаимодействие между элементами (т.е. предметами) системы (т.е. вооружения и конского снаряжения) выступают военные действия и верховая езда соответственно. При этом следует отметить, что в рамках системы, составляющие ее элементы осуществляют свои особые функции и поэтому обладают относительной самостоятельностью [Рузавин, 1999. С. 277], что характерно и для предметов вооружения и конского снаряжения.

Методика обработки источников определялась задачами исследования. При систематизации и анализе вещественных материалов применялись традиционные методы археологического изучения: классификационный, типологический, сравнительно-описательный, морфологический и методы датированных аналогий. Для систематизации предметов вооружения использовались типологические схемы и терминологический аппарат, разработанные Ю. С. Худяковым, М. В. Гореликом и применяемые большинством исследователей, что позволяет сопоставлять результаты нашего изучения с выводами, полученными иными авторами.

В виду отсутствия общепринятых типологических схем для классификации предметов конского снаряжения, систематизация данной категории материалов проведена по авторской разработке, имея в виду, что различия в форме и конструкции таких предметов, как удила, седла и стремяна, могли быть обусловлены их различным функциональным назначением.

При характеристике комплексов вооружения и конского снаряжения и проведении научно-исторической реконструкции использовался комплексный подход, основанный на сопоставлении данных археологических, письменных и изобразительных источников.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые в археологии Кыргызстана произведено специальное изучение предметов вооружения и конского снаряжения кочевников Тянь-Шаня в монгольское время. Отдельно рассмотрена история изучения памятников и произведен критический анализ опубликованных и неопубликованных материалов. В диссертации впервые дана этнокультурная характеристика погребениям кочевников, откуда происходит большая часть предметов вооружения и конского снаряжения, послуживших источниковой базой настоящей работы. Введены в научный оборот не публиковавшиеся ранее предметы по интересующей нас теме. Систематизированы и комплексно проанализированы предметы вооружения и конского снаряжения из погребений и случайных сборов. На основе археологических данных с привлечением письменных источников впервые охарактеризован комплекс вооружения кочевников монгольского времени на Тянь-Шане. По вещественным находкам с учетом данных изобразительных источников воссоздан облик легковооруженного воина. Предложена реконструкция четырех уздечных наборов и снаряжения верхового коня кочевых племен региона в XIII–XIV вв. Установлен способ натягивания тетивы лука у средневековых кочевников Средней и Центральной Азии.

Практическая значимость работы. Результаты настоящего исследования значительно расширяют существовавшие ранее представления о вооружении и конском снаряжении населения Тянь-Шаня в монгольское время и могут быть использованы: при написании обобщающих работ по исто-

рии и археологии Кыргызстана; при разработке спецкурсов по обозначенной теме; при создании музейных экспозиций и специальных выставок, посвященных истории вооружения и конского снаряжения региона.

Основные положения, выносимые на защиту:

- Погребения с каменной (каменно-земляной) насыпью овальной формы, представляющие в настоящее время основной тип памятников кочевого населения монгольского времени на Тянь-Шане, были оставлены монгольскими племенами, пришедшими в регион во время расширения империи Чингиз-хана и (или) существования государств Чингизидов;

- Основная часть войск кочевников Тянь-Шаня в монгольское время состояла из легковооруженных всадников, главным оружием которых были лук и стрелы, боевые ножи или (и) кинжалы. Часть воинов могла обладать саблей или (и) булавой или (и) боевым топором;

- Практически каждый кочевник, имеющий скот в своем распоряжении, был в состоянии изготовить для себя доспех из мягкого материала (кожи, войлока и т.д.). Более состоятельные воины имели металлическую защиту: ламеллярный панцирь, кольчугу. Однако фрагментарность находок металлического защитного вооружения и полное отсутствие находок копий не позволяют говорить о наличии отдельных отрядов тяжеловооруженной конницы в составе войск Чингизидских государств на Тянь-Шане;

- Кочевники Средней и Центральной Азии рассматриваемого времени натягивали тетиву лука согнутым большим пальцем правой руки. При этом они, в отличие от своих оседло-земледельческих соседей, чаще всего стреляли из лука без-каких либо предохранительных средств на большой палец, поскольку благодаря интенсивной практике их пальцы могли привыкнуть к постоянному напряжению и легко выдерживать трение тетивы;

- В монгольское время кочевниками Тянь-Шаня для верховой езды применялись разные оголовья, отличающиеся друг от друга сочетанием кожаных ремней, отсутствием или наличием металлических и иных декоративных деталей. Судя по археологическим и изобразительным данным, женщины по сравнению с мужчинами наиболее часто и богато украшали оголовья своих верховых коней;

- У кочевого населения Тянь-Шаня рассматриваемого времени были в употреблении разные виды (подтипы и варианты) верховых седел, отличающиеся друг от друга, главным образом, по форме передних луков, что было обусловлено разным назначением изделий и (или) принадлежностью их к разным половозрастным категориям;

Апробация. Ряд положений диссертации докладывались на конференциях и семинарах, проходивших в Новосибирске (2013, 2016 гг.), Красноярске (2016 г.), Омске (2013 г.), Бишкеке (2009, 2010 гг.).

Отдельные результаты настоящей работы нашли отражение в опубликованных статьях автора и его соавторов. Из них восемь статей, в том числе четыре авторских, опубликованы в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК.

Диссертационная работа прошла обсуждение на заседаниях кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета и отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН.

Структура работы построена в соответствии с поставленными задачами и включает введение, три главы, состоящие из 15 разделов, заключение, списки литературы, сокращений и иллюстраций.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность избранной темы, сформулированы цель, задачи, объект и предмет исследования, обозначены территориальные и хронологические рамки, источниковая база, методология и методика исследования, охарактеризована научная новизна и практическая значимость работы, перечислены основные положения, выносимые на защиту, приведены сведения об апробации и структуре диссертации.

Первая глава «Археологические памятники кочевников Тянь-Шаня в монгольское время» состоит из двух разделов. В первом разделе рассматривается история изучения памятников кочевого населения Тянь-Шаня в монгольское время. Второй раздел посвящен определению этнокультурной атрибуции погребений под овальной каменной (каменно-земляной) насыпью, откуда происходит большинство предметов вооружения и конского снаряжения, послуживших источниковой базой диссертационного исследования.

Раздел 1.1. «История исследования». Несмотря на раннее осознание актуальности изучения памятников первой половины II тыс. н.э., долгое время отмеченный период оставался одной из слабо изученных тем в археологии Кыргызстана и сопредельных территорий.

Результаты целенаправленных поисков памятников рассматриваемого времени, предпринятых в конце XIX в. В. В. Бартольдом, и в середине XX в. несколькими отрядами Кыргызской комплексной археолого-этнографической экспедиции, были недостаточны не только для характеристики культуры населения региона, но и для решения более локальных проблем. Такими же по своему научному значению были и отдельные материалы по интересующему нас периоду, полученные археологическими отрядами под руководством А. К. Кибирова, А. К. Абетекова и Д. Ф. Винника. Все эти данные были обобщены в 1984 г. В. Д. Горячевой и В. П. Мокрыниным, что было первой сводной работой посвященной более подробной характеристике культуры населения региона рассматриваемого периода.

Значительные данные по культуре кочевого населения Тянь-Шаня в монгольское время были получены в процессе целенаправленных поисков и исследований археологического отряда Кыргызского национального университета под руководством К. Ш. Табалдиева в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Материалы раскопок нашли отражение в диссертационном исследовании автора, посвященном погребальному обряду кочевников региона. Однако, вопросы, связанные с этнокультурной атрибуцией памятников, а также вооружение и конское снаряжение из погребений, не будучи главной темой исследования, были рассмотрены суммарно.

В 2012–2014 гг. археологическим отрядом КТУ Манас под руководством К. Ш. Табалдиева, с участием автора этих строк, на южном побережье озера Иссык-Куль и в Нарынской долине были проведены раскопки погребений монгольского времени.

Ряд случайных находок, в том числе предметы вооружения, существенно дополняющие комплекс боевых средств кочевников Тянь-Шаня в монгольское время, были введены в научный оборот Ю. С. Худяковым [2013а; 2013б; 2014б], М. Г. Гореликом [2011], А. Камышевым [2004; 2012], А. И. Торговым [2011], К. Т. Акматовым [2014].

Раздел 1.2. «Этнокультурная атрибуция». Основными археологическими памятниками кочевого населения Тянь-Шаня в монгольское время являются погребения под каменными (каменно-земляными) насыпями овальной формы. Среди наиболее характерных признаков этих памятников следует отметить следующие: вертикально установленный камень на северной окраине насыпи (встречается не постоянно); захоронение, совершенное в могильной яме или подбое, перекрытых деревянными жердями или каменными плитами; северная ориентировка погребенных; наличие костей барана: берцовой кости, лопатки и позвонков; расположение предметов конского снаряжения у ног погребенных (редко в изголовье).

Сопроводительный инвентарь отличается относительным единообразием. Наиболее частыми находками являются железные плоские наконечники стрел, особенно ассиметрично-ромбической формы, ножи, калачевидные кресала, стремяна с отверстием для путлица в верхней уплощенной части

дужки, деревянные остовы седел, серьги в виде знака вопроса, берестяные навершия головного убора бокка (*богтог*), ножницы.

Аналогичные погребения, совпадающие как по внешней и внутри-могильной конструкции, так и по сопроводительному инвентарю известны на территории Монголии и Забайкалья, которые объединены в единую раннемонгольскую археологическую культуру. Все это позволяет уверенно делать вывод о том, что тяньшанские погребения под каменными овальными насыпями, были оставлены монгольскими племенами, появившимся в регионе во время расширения империи Чингис-хана или (и) существования государств Чингизидов. Кроме того, сопоставительный анализ материалов Тянь-Шаня, Монголии и Забайкалья позволил выделить ряд этно- и культурно-маркирующих признаков монгольских погребений XII–XIV вв.

Вторая глава «Вооружение» посвящена систематизации и анализу предметов вооружения из погребений кочевников Тянь-Шаня в монгольское время и случайных сборов. Глава разделена на девять разделов, в семи из которых последовательно рассматриваются предметы вооружения и снаряжения воина, в одном – способ натягивания тетивы лука, а в последнем разделе – комплекс вооружения.

Раздел 2.1. «Луки». Судя по сохранившимся в погребениях материалам, кочевники Тянь-Шаня в монгольское время применяли сложносоставные луки трех типов: со срединной фронтальной весловидной роговой накладкой; с двусоставной деревянной кибитью и срединной удлинненно-прямоугольной накладкой; пятисоставной цельнодеревянный.

Лук с весловидной накладкой, получивший в научных трудах название «монгольский», является наиболее характерным для рассматриваемого времени и известен практически по всей территории степей Евразии. Благодаря своей составной структуре и небольшой длине он обладал значительной рефлекторной силой и был удобен для стрельбы с коня. На Тянь-Шане луки «монгольского» типа появились вместе с монгольскими завоевателями в начале XIII в.

Луки с двусоставной деревянной кибитью и срединной удлинненно-прямоугольной накладкой и пятисоставные без роговых накладок, как по

форме, так и по структуре находят аналогии в разных культурах древности и Средневековья. Наиболее целые и древние экземпляры известны из памятников Восточного Туркестана хунно-сяньбийского времени, которые хорошо объясняют генезис тяньшанских луков.

Двусоставной лук, из-за своей относительной меньшей длины и рефлекторной силы, мог применяться в основном для стрельбы с коня на близкие дистанции, тогда как, длинный пятисоставной лук – для стрельбы на более дальние дистанции, например, в охоте на горных козлов и архаров, многочисленные изображения которых запечатлены на средневековых петроглифах Кыргызстана.

Раздел 2.2. «Железные наконечники стрел». Комплекс наконечников стрел кочевых племен Тянь-Шаня в монгольское время состоял из 8 типов плоских и по одному типу прямоугольного, линзовидного и ромбического сечения проникателей. Плоские экземпляры, помимо типологического разнообразия, демонстрируют и количественное превосходство: преобладают ассиметрично-ромбические (31 ед.), затем секторные (10 ед.) и удлинено-ромбические (7 ед.). Остальные типы представлены одним или двумя экземплярами.

Преобладание плоских наконечников может свидетельствовать о стрельбе в незащищенных панцирем противников. Интересно, что в настоящем комплексе ассиметрично-ромбические наконечники, почти поровну содержат как более массивные, так и более узкие длинные экземпляры. Если первые были предназначены для нанесения широкой кровотокающей раны, то вторые – для проникания на большую глубину.

Несмотря на малочисленность, групповое разнообразие монолитных в сечении (бронебойных и универсальных) наконечников весьма показательно. В их составе, кроме широко известных прямоугольных томаров и линзовидных боеголовковых ударников, представлен, неизвестный ранее ромбический эллипсоидный наконечник. Судя по нему и плоскому секторно-четырёхугольному экземпляру, в монгольское время на Тянь-Шане шла активная технологическая разработка новых видов проникателей, ориентированных, в основном, против защищенных панцирем противников.

Раздел 2.3. «О способе натягивания тетивы лука». Одной из интересных и малоисследованных проблем лучной стрельбы, затронутых в диссертации, является вопрос о способе натягивания тетивы лука.

Изучение средневековых письменных, изобразительных и археологических источников показало, что средневековые монголы и другие кочевники Средней и Центральной Азии натягивали тетиву лука согнутым большим пальцем руки – способом, известным в литературе под названием «монгольского». При этом в отличие от своих оседло-земледельческих соседей кочевники довольно редко применяли предохранительные средства на большой палец, поскольку благодаря постоянной практике с луком их пальцы могли настолько огрубеть, что не чувствовали никакой боли при натягивании тетивы.

Раздел 2.4. «Налучи». Для хранения и ношения лука население Тянь-Шаня рассматриваемого времени применяло кожаные налучи Y-образной формы, т.е. с узким днищем и расширяющимся к горловине приемником. Судя по единственному сохранившемуся экземпляру, на их лицевой поверхности тиснением наносился геометрический и растительный орнамент.

По данным средневековых изобразительных источников Y-образный налуч носился на левом боку в наклонном положении горловиной вперед или назад. Для того чтобы наш налуч во время ношения декорированной частью был обращен наружу, его следовало носить горловиной вперед. По мнению исследователей, такой способ ношения был максимально удобен для передвижения и ведения конного боя, чем и объясняется широкая популярность таких налуч в средневековой Евразии.

Раздел 2.5. «Колчаны». Для хранения и транспортировки стрел использовались берестяные и кожаные колчаны. В погребениях Тянь-Шаня сохранились три берестяных футляра в форме усеченного конуса, т.е. с узкой горловиной и постепенно расширяющимся к днищу приемником. По форме горловины они относятся к типу закрытых колчанов, широко известных в кочевнических погребениях монгольского времени на огромной территории степей Евразии. В таких футлярах, судя по данным изобразительных источников, стрелы носились наконечниками вверх. Некоторые берестяные кол-

чаны, вероятно, принадлежавшие особам высокого социального статуса, украшались костяными орнаментированными накладками. Такие накладки были обнаружены в двух погребениях. Берестяной колчан, судя по иранским миниатюрам, подвешивался на саадачном поясе на правом боку лучника в наклонном положении горловиной вперед.

Кожаные колчаны имели подпрямоугольную форму, а некоторые экземпляры – «окошко-карман» для стрел специального назначения. В них стрелы хранились наконечниками вниз, оперением вверх, причем стрелы на треть веером выступали над срезом приемника. Кожаный колчан подвешивался на специальном поясе на правом боку воина в наклонном положении горловиной назад.

По данным письменных источников рассматриваемого времени лучник в среднем должен был иметь в одном колчане 25–30 стрел.

Раздел 2.6. «Оружие ближнего боя». Под таким общим заголовком в разделе рассматривается ряд категорий предметов вооружения ближнего боя бывших, судя по изобразительным и письменным источникам, достаточно популярными в среде войск Монгольской империи и государств Чингизидов, но фактически отсутствующих в погребениях Тянь-Шаня (сабля) или имеющих случайное происхождение (булава, топор).

В зависимости от достатка воины могли обладать длинным клинком и (или) булавой и (или) боевым топором. Несмотря на отсутствие конкретных данных, сабля, надо полагать, была одним из основных средств ближнего боя, что подтверждается данными изобразительных и письменных источников, а также находками металлической гарнитуры от клинковых портупей. Судя по данным А. К. Кибирова, кочевники Тянь-Шаня рассматриваемого времени использовали мечи. Однако, военной тактике кочевников развитого Средневековья наиболее характерно применение сабель. Поэтому логично предположить, что в среде кочевых войск Тянь-Шаня популярнее были кривые длинные клинки.

В ближнем бою кочевники региона применяли булавы. В памятниках региона она представлена двумя экземплярами разного типа. Одна из них имеет боевую головку в виде куба с четырьмя пирамидальными шипами.

Судя по материалу изготовления и ее изображением на монетах, она служила почетным оружием. Второй экземпляр булавы имеет форму многогранника и изготовлен из железа. Благодаря своей доступности такие булавы применялись рядовыми воинами. Боевой топор представлен двумя экземплярами случайного происхождения. Следует отметить, что топоры, в отличие от булав, могли использоваться и в хозяйственных целях.

Все эти средства ближнего боя могли применяться универсально – как против бездоспешного, так и тяжеловооруженного противника.

Раздел 2.7. «Ножи и кинжалы». В погребениях кочевников Тянь-Шаня монгольского времени часто встречаются короткие железные клинки режуще-колющего действия, имевшие многофункциональное применение. К ним относятся однолезвийные ножи и двулезвийные кинжалы.

В категорию «боевых» отнесены ножи, имеющие клинки длиной более 10 см и толщиной спинки не менее 3 мм. Всего из погребений Тянь-Шаня рассматриваемого времени были обнаружены пять «боевых» ножей, отнесенных к трём типам.

Следует отметить, что независимо от своего размера нож всегда оставался универсальным орудием. Тем не менее, определенные детали тяньшанских коротких клинков, позволяют видеть в них эффективное оружие ближнего боя. Так, ножом с вогнутым лезвием и горбатой спинкой (тип 3) можно нанести глубокую, болезненную рану. Двусторонние пяты клинка ножа (тип 2) видимо, служили в качестве надежной преграды соскальзыванию руки на клинок при колющих ударах.

По сравнению с ножами кинжалы являлись более специализированным орудием. Об этом свидетельствует и тот факт, что все известные из погребения Тянь-Шаня короткие двусторонние клинки представлены одним типом – килевидным, т.е. с параллельными лезвиями, сужающимися в нижней трети и двусторонним упором. Однообразие в форме клинка свидетельствует об устоявшейся традиции изготовления таких кинжалов и стандартизации их форм.

Раздел 2.8. «Защитное вооружение». Из средств индивидуальной металлической защиты в погребениях Тянь-Шаня монгольского времени были обнаружены пять панцирных пластин и фрагмент кольчуги.

Панцирные пластины имеют удлинённо-прямоугольную форму с двумя парами отверстий на концах. Такие изделия использовались населением Центральной и Средней Азии, Южной Сибири довольно продолжительное время, что свидетельствует об универсальности и практичности такой формы. Особенность тяньшанских пластин состоит в том, что в отличие от большинства своих аналогов, они довольно узки и, соответственно, ряд отверстий в них располагаются близко друг к другу. Поэтому когда пластины накладывались друг на друга на ширину одного ряда отверстий, получалось так, что половина одной пластины перекрывала половину соседней и так далее, в результате чего образовался двойной слой. Такой доспех, возможно, был тяжёлый, но, благодаря соединению пластин ремешками через меньшее количество отверстий, должен был быть относительно гибким.

Обрывок кольчуги из могильника Бел-Саз II представлен 10 железными кольцами, из которых 6 сохранились соединёнными друг с другом. Кольца сплошные, в сечении округлые. Способ плетения колец не совсем ясен. На сохранившемся обрывке одно кольцо соединено с тремя соседними. Скорее всего, здесь применялся классический способ соединения, когда в одно кольцо вставлялось четыре других.

По имеющимся данным, судить о принадлежности колец к конкретному защитному средству сложно. Они могли относиться как к кольчатому панцирю, так и бармице шлема или другим деталям металлической защиты.

Следует отметить, что из-за дороговизны и трудоёмкости изготовления, средства металлической защиты были не доступны для большинства рядовых воинов. Последние могли довольствоваться мягкими доспехами, изготовление которых, в условиях кочевого скотоводства, не представляло особой трудности.

Раздел 2.9. «Комплекс вооружения». Представленный археологический материал из погребений и случайные находки позволяют делать вывод о том, что основная часть войск кочевников Тянь-Шаня в монгольское вре-

мя состояла из легковооруженных всадников, главным оружием которых были лук и стрелы, боевые ножи, кинжалы. Часть воинов могла обладать длинным клинком, прежде всего, саблей, и (или) булавой и (или) боевым топором. Практически каждый кочевник, имеющий скот в своем распоряжении мог изготовить для себя доспех из мягкого материала. Более состоятельные воины имели металлическую защиту: ламеллярный панцирь, кольчугу.

Однако фрагментарность находок металлической защиты и полное отсутствие в памятниках находок копий – главного оружия тяжелой кавалерии, не позволяют выделить в составе войск кочевников Тянь-Шаня рассматриваемого времени отдельные отряды тяжеловооруженной конницы.

В целом, такое представление, с некоторыми дополнениями, подтверждаются данными письменных источников середины и конца XIII в., прежде всего европейских авторов (Плано Карпини, Рубрук, Марко Поло), путешествовавших по территории Монгольской империи и государств Чингизидов.

Одним из важных результатов исследования является реконструкция облика легковооруженного воина Тянь-Шаня в XIII–XIV вв., сделанная на основе археологических и изобразительных источников.

Третья глава «Конское снаряжение» посвящена изучению предметов снаряжения верхового коня из погребений кочевников Тянь-Шаня в монгольское время. Глава разделена на четыре раздела, в трех из которых последовательно рассматриваются удила, узда, седла, подпружные пряжки, стремена, а в последнем разделе охарактеризован комплекс снаряжения верхового коня.

Раздел 3.1. «Удила и узда». От узд в погребениях сохранились десять железных удил и кожаные фрагменты от четырех оголовий с металлическими украшениями. Все удила изготовлены из железа и состоят из двух подвижно соединенных звеньев и зажатых в их окончаниях кольчатых псалиев. По форме сечения грызла они делятся на два типа: округлые и прямоугольные.

Удила с прямоугольными в сечении грызлами действовали строже, следовательно, применялись для управления норовистыми лошадьми или (и) для их выездки. Однако постоянное использование таких удил могли травмировать ротовую полость коня, и вообще, испортить верховое животное. Вероятно, поэтому, количество удил с гранеными грызлами в составе нашей коллекции невелико.

Наиболее широко применялись удила с округлыми в сечении грызлами, обычные для эпохи развитого Средневековья. Такие удила не только позволяли эффективно управлять лошадью, но и не портили верховые качества животного.

Все четыре фрагмента кожаных оголовий с металлическими украшениями происходят из женских погребений. По форме и количеству бляшек каждая узда своеобразна. Конструкция же оголовий, судя по остаткам ремней, была более или менее едина. Несмотря на фрагментарность находок, удалось восстановить возможный первоначальный облик четырех уздечных наборов.

Раздел 3.2. «Седла». Из погребений кочевников Тянь-Шаня монгольского времени происходит одна из крупных коллекций деревянных остовов седел по всей территории империи Чингиз-хана и его преемников. Благодаря хорошей сохранности нескольких экземпляров у нас есть достаточно полное представление об их конструкции и формах деревянных деталей.

Все остовы седел изготовлены из дерева и состоят из четырех деталей: вертикальной передней и наклонной задней лук и двух полок, скрепленных друг с другом с помощью кожаных ремешков через отверстия. Все изделия, возможно, кроме одного частично сохранившегося экземпляра, относятся к кругу седел так называемого «монгольского» типа, распространенных по всей степи Евразии с начала II тыс. н.э.

По форме передних лук, седла «монгольского» типа из погребений Тянь-Шаня делятся на несколько подтипов: трапециевидные, арочные и подпрямоугольные. Такая вариация, надо полагать, обусловлена разным назначением изделий и (или) принадлежностью их к различным половозрастным категориям.

В нескольких погребениях от седел сохранились лишь фрагменты железных, костяных оковок, накладок и пластин; железные, костяные и деревянные подпружные пряжки.

Раздел 3.3. «Стремена». Общее количество стремян из погребений Тянь-Шаня рассматриваемого времени составляет 35 типологически определенных экземпляров с разной степенью сохранности. Еще от нескольких изделий сохранились отдельные фрагменты, не позволяющие определить их форму.

По контуру дужек стремяна из нашей коллекции делятся на три типа: арочные, округлые и трапециевидные. Далее внутри типа по форме подножки выделяются подтипы: с изогнутой подножкой и прямой подножкой. Все изделия относятся к кругу стремян с отверстием для путлища в расплющенной дужке и широкой подножкой, широко распространенных в степях Евразии с начала II тыс. н.э.

В научной литературе существует мнение о том, что стремяна с прямой подножкой были наиболее характерны для тяжеловооруженной конницы, а изделия с изогнутой подножкой применялись в основном легковооруженными всадниками. Сложно судить насколько данное мнение соответствует исторической действительности. Однако можно предположить, что в стремянах с изогнутой подножкой ноги фиксировались лучше, что было удобно для маневрирования.

Раздел 3.4. «Комплекс снаряжения верхового коня». Из погребений кочевников Тянь-Шаня происходят все основные категории предметов конского снаряжения: удила и уздечные наборы, седла и стремяна, подпружные пряжки и декоративные бляшки. Все эти материалы позволяют достаточно полно представить комплекс снаряжения верхового коня населения региона в монгольское время.

В предлагаемой нами реконструкции сбруи коня на голове животного изображена уздечка, восстановленная по находкам из женского погребения могильника Секи I. Фрагменты сохранившихся ремней и металлические бляшки позволяют предположить, что оголовье состояло из нащечных, затылочного, наносного, налобного, подбородочного и, возможно, подгубно-

го ремней. Локализация бляшек на ремнях не вызывает особых трудностей: крупные округлые – на перекрестии нащечных ремней с наносным и налобным; «Е» образные – на нащечных, наносном ремнях и на кожаной подвесной бляхе; подтреугольные – на налобном ремне. Кожаная сердцевидная подвеска, украшенная «Е» образными бляшками могла подвешиваться на наносный ремень, а бронзовая сферическая – на налобный.

Реконструкция седельного набора представляется следующим образом. Сначала на спину коня клали четырехугольный потник, состоявший из нескольких слоев войлока. Поверх него помещался кожаный чепрак, который мог украшаться орнаментом, выполненным с помощью техники тиснения или аппликации. Затем клали седло с подвешенными на него стременами. Обычно седло обтягивалось сыромятной кожей и обивалось костяными или железными накладками. Оно укреплялось на теле лошади с помощью подпруги, нагрудного и подхвостного ремней. О количестве подпруг судить сложно. В погребениях обычно находят по одной подпружной пряжке, редко – по две. На иранской миниатюре подпруга не изображена. Возможно, она располагалась под кожаным чепраком, что, на наш взгляд, маловероятно. На некоторых юаньских статуэтках верховых коней, седло закреплено с помощью одной подпруги. Как бы то ни было, подпружный ремень, обычно широкий, застегивался слева, под брюхом лошади большой четырехугольной пряжкой. Нагрудный и подхвостный ремни с подвесными бляхами крепились на полках седла с помощью колец с пробоями. Такие же кольца с ремешками служили и для подвешивания груза. Поверх седла располагалась подушка (покрытие ?) с лопастями, защищавшими бедра всадника от трения о стременной ремень.

В заключении подведены основные итоги исследования, обобщены выводы, сформулированные в разных его разделах, которые, в целом, можно перечислить по следующим пунктам.

1. Сравнительно небольшая представительность предметов вооружения в мужских погребениях, а иногда самих мужских погребений в могильниках Тянь-Шаня, вероятно, связана со сложной этнополитической ситуацией в регионе и, возможно, нехваткой оружия. Междоусобицы Чингизидов при-

вели не только к упадку оседло-земледельческой культуры в долинах Тянь-Шаня, но и уменьшению человеческого ресурса, и прежде всего мужского населения.

2. Погребения с овальной каменно-земляной насыпью, представляющие, в настоящее время, основной тип памятников кочевого населения Тянь-Шаня XIII–XIV вв. были оставлены монгольскими племенами, пришедшими в регион во время расширения империи Чингиз-хана или (и) существования государств Чингизидов.

3. Часть предметов вооружения и конского снаряжения из погребений, послуживших источниковой базой настоящего исследования, имеет центральноазиатское происхождение. Это касается, прежде всего, лука с весло-видной роговой накладкой, большинства типов плоских наконечников стрел, бывших в массовом употреблении в обозначенном регионе еще во второй половине I тыс. н.э. и седел с трапециевидной передней лукой.

4. Цельнодеревянные двусоставные и пятисоставные луки, кольчуга и удила с кольчатыми псалиями, применявшиеся кочевниками Тянь-Шаня рассматриваемого периода, были известны среди местного населения еще до прихода монгольских племен. Есть основания полагать, что плоские секторно-четырёхугольные и ромбические эллипсоидные наконечники стрел являются дериватами от известных у монгольских племен Центральной Азии изделий и, очевидно, были выработаны на Тянь-Шане во время существования Чингизидских государств. Видимо, данные изделия являются отражением культурного взаимодействия пришлых и местных племен.

5. Представленный археологический материал достаточно ясно свидетельствует о том, что основная часть войск кочевников Тянь-Шаня в монгольское время состояла из легковооруженных конных стрелков. Помимо оружия и снаряжения дистанционного боя часть воинов могла обладать средствами ближнего боя и защиты. Однако фрагментарность находок металлической защиты и полное отсутствие находок копий – главного оружия тяжелой кавалерии, не позволяют выделить в составе войск местного населения отдельные отряды тяжеловооруженной конницы.

6. Изучение письменных, изобразительных и археологических источников позволило сделать вывод о том, что средневековые монголы и другие кочевники Средней и Центральной Азии натягивали тетиву лука согнутым большим пальцем руки – способом, известным в литературе под названием «монгольского». При этом, в отличие от своих оседлых соседей кочевники редко применяли предохранительные средства на большой палец, поскольку от постоянного пользования луком их пальцы могли настолько огрубеть, что не чувствовали никакой боли при натягивании тетивы.

7. Обнаруженные в погребениях металлические детали и сохранившиеся фрагменты кожаных оголовий позволили восстановить возможный первоначальный облик четырех уздечных наборов. Седельный набор из памятников включает деревянные ленчики разных видов, стремяна, подпружные пряжки и подвесные бляхи на нагрудный и подхвостный ремни. Все эти материалы позволили довольно полно охарактеризовать и реконструировать комплекс снаряжения верхового коня населения Тянь-Шаня в монгольское время.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

(общий авторский вклад 4,97 п.л.)

Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК:

1. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Табалдиев К.Ш., **Акматов К.Т.** Коллекция железных наконечников стрел в собрании древностей музея Бурана в Кыргызстане // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 214–220. (авторский вклад 0,1 п.л.)
2. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю., **Акматов К.Т.** Сложносоставные луки с памятника Уч-Курбу в Кыргызстане // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 3 (55). – С. 81–86. (авторский вклад 0,12 п.л.)
3. **Акматов К.Т.** Новая коллекция железных наконечников стрел в государственном историческом музее Кыргызской Республики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 209–217. (авторский вклад 0,7 п.л.)
4. Табалдиев К.Ш., **Акматов К.Т.**, Орозбекова Ж. Деревянные остовы седел из могильника Боз-Адыр на Тянь-Шане // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 186–196. (авторский вклад 0,6 п.л.)
5. **Акматов К.Т.** Железные наконечники стрел кочевников Тянь-Шаня в монгольское время // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 193–202. (авторский вклад 0,8 п.л.)
6. **Акматов К.Т.** Луки и налучи у населения Тянь-Шаня в монгольское время // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 166–173. (авторский вклад 0,6 п.л.)
7. Орозбекова Ж., **Акматов К.Т.** Женские головные уборы у населения Тянь-Шаня в монгольскую эпоху // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 174–186. (авторский вклад 0,4 п.л.)

8. **Акматов К.Т.** О способе натягивания тетивы лука у средневековых кочевников Средней и Центральной Азии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 129–139. (авторский вклад 0,9 п.л.)

Публикации в иных изданиях:

9. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Табалдиев К.Ш., **Акматов К.Т.** Коллекция железных наконечников стрел из музея Чолпон-Аты // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 31–34. (авторский вклад 0,05 п.л.)

10. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю., Солтобаев О.А., Орозбекова Ж., **Акматов К.Т.** Изучение предметов вооружения и изображений оружия из древних и средневековых памятников долины реки Нарын и Иссык-Кульской котловины // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: 2014. – Том XX. – С. 311–313. (авторский вклад 0,04 п.л.)

11. **Акматов К.Т.** Могильник Боз-Адыр // Материалы 53-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2015: Археология / Новосибир. гос. ун-т. – Новосибирск, 2015. – С. 63–64. (авторский вклад 0,06 п.л.)

12. **Акматов К.Т.**, Табалдиев К.Ш. Об этнокультурной принадлежности погребений с овальной каменной насыпью XIII–XIV вв. на Тянь-Шане // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – Т. 2. – С. 10–17. (авторский вклад 0,6 п.л.)